

его политический и духовный путь // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997. С. 130–141; *Нива Ж.* «Русская религия» Пьера Паскаля // *Нива Ж.* Возвращение в Европу: статьи о русской литературе. М., 1999. С. 112–127; *Струве Н.А.* Петр Карлович Паскаль: память учителя и друга // *Струве Н.А.* Православие и культура. М., 2000. С. 197–201.

² Оба исследования на французском языке издавались дважды – диссертация «Аввакум и начало раскола» в 1938 и 1963 гг., монография «Пугачевский бунт» в 1971 и 1973 гг.

³ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История как знание о социальном мире // Социальная история: 2001/2002. Ежегодник. М., 2004. С. 9.

⁴ «Круглый стол» по книге О.М. Медушевой «Теория и методология когнитивной истории»: С.И. Маловичко // Российская история. 2010. № 1. С. 154.

⁵ О термине см.: *Данилова О.С.* Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века // Россия и Франция XVIII–XIX в. Вып. 7. М., 2006. С. 236–270.

И.Я. Куценко. Победители и побежденные. Кубанское казачество: истории и судьбы. Кн. 1. Императорский поместный этнос. Краснодар: Диапазон-В, 2010. 504 с., ил.

Рецензируемое сочинение принадлежит перу профессора Кубанского государственного технологического университета Игоря Яковлевича Куценко и представляет собой развитие положений его предыдущей книги «Кубанское казачество» (изд. 1. Краснодар, 1990; изд. 2. Краснодар, 1993). В новой книге автор пытается доказать, что кубанские казаки заняли в социальной пирамиде Российской империи место неких военизированных «подпомещиков», носителей монархического консерватизма, призванных выполнять полицейские функции душителей освободительного движения.

По мнению Куценко, «исторически первой» государственной обязанностью кубанского казачества было активное участие в завоевании Кавказа и удержании местного горского населения в повиновении «имперскому владычеству». Превратившись в «зону оплота феодально-монархических реакционных основ социальной организации», кубанские казаки, как считает автор, приобрели «сословное самомнение», приобщились к угнетению иногороднего крестьянства. Это не только резко обособило казачество от последнего, но и сделало казаков «принципиальными противниками эксплуатируемого народа». Однако основной пафос сочинения Куценко направлен против ведущей и признанной в Краснодарском крае школы исторического кубановедения профессора В.Н. Ратушняка. Перед читателями раскрывается скорее политический памфлет уязвленного автора, труды которого были уличены в тенденциозности¹.

Вряд ли читатель книги Куценко, претендующей на звание «пока единственной монографии, обобщающей исторический путь, пройденный кубанскими казаками», найдет обстоятельный историографический обзор. Создается впечатление, что автор слабо ориентируется в литературе о казачестве. Ему совершенно незнакомы исследова-

ния Ратушняка, Б.Е. Фролова, А.Н. Малукало, Н.И. Бондаря, В.А. Колесникова, В.П. Трута, В.И. Шкуро, И.В. Ивченко, А.А. Шахторина и др.², кроме «возмутивших» его научное достоинство статей, опубликованных Ратушняком и его соратниками. Из дореволюционных историков Куценко обратил внимание лишь на труды Ф.А. Щербини³, исторические взгляды которого характеризуются им как реакционные, а оценка достижений всемирно признанного историка кубанского казачества сводится к следующему: «Ф.А. Щербина облагородил царских прислужников шармом сусальной сказки о будто бы присущих им “повышенной народности”, особой необычности, героизацией их действий... Жупел щербинизма по-прежнему используется в наши дни. Теперь – для исторической реабилитации сословия царских “казаков”» (с. 291–292). Видимо, Куценко не знаком с трудами Е.Д. Фелицына, П.П. Короленко, широким кругом полковой историографии Кубанского казачьего войска (И.Е. Гулыга, А.Д. Ламанов, В.Г. Толстов, И.С. Кравдов и др.)⁴. В советской историографии автор «новаторского» сочинения также ориентируется не слишком уверенно, привлекая лишь те работы, которые отвечают замыслам его конструкции. А выдающегося советского украинского историка Владимира Алексеевича Голобуцкого Куценко именует «Глобуцким» (подобное написание фамилии видного казаковеда встречается в книге более десятка раз) (с. 353–355).

Не был замечен автор и среди участников проходивших на территории Краснодарского края международных и всероссийских научных конференций, посвященных казачеству. А именно на этих форумах ученых во многом не только обозначались перспективы развития казачеведения в России, но и был выработан понятийно-категориальный аппарат, расставлены акценты в изучении дискуссионных

проблем исторического прошлого и духовного наследия кубанского казачества⁵.

Вместо обстоятельного обзора источников автором предложен рассказ о библиотеках, в которых он работал (с. 13), однако при этом отсутствует необходимый анализ, классификация источников. Ссылки на фонды РГВИА, ГА РФ, ГА КК не отражают многоцветную палитру истории кубанского казачества, но только иллюстрируют его негативную роль в подавлении революционного движения (с. 450–466).

Отсутствие более глубоких знаний привело автора к выводу, что «особый менталитет», «особое состояние духа» казаков – это не что иное как «надуманные, эмоциональные спекулятивные всплески идеологов “возрожденчества”». Объективными системообразующими научными категориями они не являются» (с. 477). Однако это утверждение не соответствует действительности, поскольку системные связи в этносоциальном развитии кубанского казачества, его менталитет, ценностные ориентиры и самосознание уже давно стали предметом научных изысканий. Признано, что итогом этнокультурных процессов объединительного характера на южнорусской и восточнукраинской основе в условиях края явилось оформление самосознания (и самоназвания) кубанских казаков, проявившееся в их быту, официальном делопроизводстве, а также в фольклоре и других блоках уникальной традиционной культуры⁶. Длительное время оно сохранялось и в годы советской власти, что также нашло отражение в послевоенной переписи.

Кубанское казачество представляло собой многоуровневое, многоаспектное и полифункциональное образование, этнокультурные и общинно-социальные составляющие которого всегда были органичны. Современные казачеведы на основании многолетних полевых исследований и глубокого изучения разнообразных архивных источников пришли к выводам о том, что кубанские казаки являлись квази-сословием и одновременно субэтносом русских. Однако результаты этих, нередко выстраданных, исследований воспринимаются автором весьма упрощенно и сводятся лишь к идеологии «возрожденчества». В то же время необходимо заметить, что проблема взаимоотношений ученых и организаций возрождающегося казачества – отдельная, далеко не простая тема.

Куценко называет кубанских казаков «императорским поместным этносом», безжалостно эксплуатирующим иногороднее крестьянство (с. 383). Вынужденный признать, что категория «подпомещиков» юридически

нигде и никогда не фиксировалась, автор приводит фрагмент сенатского указа 18 сентября 1765 г., в котором упоминаются «подпомощики». Несомненно, такое «открытие» в области социальной истории России XVIII в. и отождествление этих «подпомощиков» (что означало «помощник помощника»⁷) с казаками может удивить специалистов. Некомпетентность исследователя, а в дополнение к этому и нескрываемая неприязнь к кубанскому казачеству создают мрачную картину «служебно-подпомещичьих качеств», которые сводятся к привычке «заставлять, разгонять, ловить, хватать, избивать, “тащить и не пушать”, рубить шашками и расстреливать» (с. 389).

Отстаивая формулировку «подпомещики», Куценко апеллирует к явным преувеличениям. Так, стремясь завесить численность иногороднего крестьянства, угнетаемого жестокими эксплуататорами-казаками, автор произвольно включает в его состав и население крестьянских сел Кубанской области, а также иностранных колонистов. Между тем казаки не только активно трудились в сельскохозяйственном производстве области⁸, но и платили за так называемые привилегии «налог кровью» на завершающем этапе Кавказской войны, в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., в среднеазиатских походах, на сопках Маньчжурии и полях Первой мировой. Военская повинность казачества была в 3 раза более тягостной в мобилизационном плане, чем для остального населения. На кубанских казаков легла тяжесть по заселению и освоению не только Закубанья и Черноморского побережья, но и других окраин России (например, Южно-Уссурийского края). Если горцы выделяли для отработки натуральных повинностей до 5% работников, крестьяне – до 20, то казаки – более 30%. Каждый станичник Кубанского казачьего войска ежегодно выполнял повинности, стоимость которых равнялась стоимости двух средних домов. Приводящий эти цифры Малукало вообще считает неправомерным называть казачество «полупривилегированным» сословием или «привилегированным крестьянством»⁹.

Нередко болезненные отношения казаков с иногородними обуславливались не только сословным фактором, но и столкновением систем ценностей¹⁰. В любой крестьянской глубинке России труженики-хлеборобы негативно относились к пришлым «перелетным птицам», «перекати-полю». Но у казаков накапливался и опыт мирного сожительства и взаимопонимания с иногородними, и об этом не может не знать Куценко. В 1882 г. в ответ на статью в «Кубанских областных ведомостях» священника станицы Курчанской, который

обиделся на своих станичников и неместно отозвался о жителях неказачьего происхождения, казаки тут же ответили: «Неуместны выражения, относящиеся... к армейскому офицеру, и мужику в пестрых штанах, и бывшему бродяге Ивану, так как все эти лица теперь наши братья»¹¹. В начале XX в. были уже не редкостью браки между казаками и иногородними, отстаивание общих интересов станицы. Однако сложная и противоречивая история взаимоотношений казаков и иногородних изображена в сочинении Куценко лишь двумя красками – черной и белой, и мало соответствует действительности.

Чтобы подчеркнуть негативную роль казачества в истории Северного Кавказа, автор снова поднял на щит возникшую в начале 1990-х гг. на фоне подъема этнической мобильности версию о геноциде адыгов, давно признанную большинством историков-кавказоведов научно несостоятельной. Куценко ссылается на некие «факты», почерпнутые из архивов и публикаций, изданных в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (с. 59). Однако опубликованные недавно нальчикскими архивистами документы, связанные с трагедией махаджирства, никаких подтверждений массового уничтожения горцев только за то, что они адыги, не содержат, а как раз наоборот, представляют разнообразную информацию о заботе русского правительства о переселенцах¹².

В истории Кавказской войны имели место эпизоды сотрудничества казаков и горцев, которые сложнее, богаче и разнообразнее любых идеологических штампов, и Куценко должен был это заметить. Так, на рубеже 1864–1865 гг. казаки станиц Адагумского полка протянули руку помощи абадзахам (их было более 5 тыс.), терпевшим голод и лишения на берегу Цемесской бухты. В приказе по полку от 8 декабря 1864 г. говорилось, что «общество Раевской станицы на полном сборе откликнулось... на принятие в свои дома страдающих горцев». В связи с этим командир полка – полковник П.И. Крюков объявил благодарность «всем жителям за их мужественное участие к спасению бедных людей от смерти»¹³. Такое же решение приняли жители станиц Анапской, Гостагаевской, Нижнебаканской, Крымской, Неберджаевской, которые взяли в свои дома семьи бедствующих горцев. Во взаимоотношениях между людьми, представлявшими враждебные лагеря в кавказском противостоянии, не раз действовали понятные для всех народов человеческие добродетели – человеколюбие, взаимоуважение, чувство благодарности. Поэтому апелляция Куценко только к негативному опыту искажает существо дела. Не добавляет

книге убедительности и обращение автора к обличительным строкам наследия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, а равно и к выдержкам из цитат современных адыгских общественных деятелей. Куценко приписывает русскому историку А.П. Берже собственные домыслы о переселении 1.5 млн горцев в Турцию (с. 59).

Разделы книги, посвященные военному искусству казаков, также свидетельствуют о весьма неглубоких познаниях автора в реальной истории военного дела в Черноморском, Кавказском Линейном и Кубанском казачьих войсках, о слабом изучении им особенностей и эволюции применения в XIX – начале XX в. пластунских батальонов, конных полков и артиллерийских батарей. Взамен этого Куценко представляет поверхностные рассуждения об опыте применения подобных соединений донских казаков в Отечественную войну 1812 г. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора о том, что принципы казачьей «лавы были использованы казаками-пластунами на бастионах Севастополя» (с. 311), а заметный военно-административный поворот в тактической ориентации конницы в Строевом кавалерийском уставе 1912 г. «был вызван вовсе не необходимостью эффективно противостоять возможному нашествию немецких и австро-венгерских кавалерийских орд, которых просто не существовало (?), а классовым защитным для царизма расчетом» (с. 328). История военной службы и боевой тактики казаков, по мнению Куценко, «неопровержимо свидетельствует о реакционном, антинародном содержании созданной, всячески оберегаемой и поощрявшейся самодержавием мощной консервативной силы – казачьего войскового сословия» (с. 329).

В книге наличествуют и другие, мягко говоря, некомпетентные откровения, вроде обвинений в адрес В.И. Ленина в том, что он не отнес казачьи территории к помещичьим латифундиям. К сожалению, у автора не нашлось доброго слова ни о колоритной казачьей культуре, ни о казачьем образовании, ни о представителях казачьего офицерства, внесших огромный вклад в изучение и освоение Северокавказского края. Их заслуги автор свел лишь к распитию «монархической сивухи».

Таким образом, новая книга И.Я. Куценко не прибавляет знаний о кубанском казачестве, уважения к историческому прошлому, уникальному духовному наследию защитников Родины. Выводы и положения автора во многом созвучны откровениям большевистских идеологов политики «расказачивания» 1918–1920-х гг., которые как раз и привели к массово-

му уничтожению населения кубанских станиц, депортации, искусственно организованному голоду 1932–1933 гг. Авторские сочинения такого рода не работают на стабилизацию российского общества, а скорее раскалывают его изнутри, возрождая исторические обиды, подвигая общество к поиску «врагов».

О.В. Матвеев,
доктор исторических наук
(Кубанский государственный университет
(Краснодар))

Примечания

¹ См.: *Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матюченко П.П., Ратушняк В.Н.* История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. Краснодар, 1995; *они же.* И.Я. Куценко. «Правда и кривда». Нальчик, 2007 // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2007. № 3–4; *Матвеев В.А., Захаров В.А.* Ложь в истолковании прошлого... М., 2008; *Матвеев В.А.* Кривда вместо правды. Ростов н/Д., 2008; *Трут В.П.* Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007 // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Общественные науки. 2008. № 4; *Матвеев О.В.* «Казачи высказали замечательное добродушие и человеколюбие...»: К вопросу о последствиях Кавказской войны // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010; *Ратушняк В.Н.* Классово-обвинительная история казачества // Родная Кубань. Литературно-исторический журнал. 2010. № 3; и др.

² *Бондарь Н.И.* Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры кубанского казачества) // Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар, 2000; *он же.* К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Ч. 1. XIX – начало XX века) // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999; *он же.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999; *он же.* Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос – пространство – время // Старый Свет: Археология. История. Этнография. Краснодар, 2000; Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009; *Ивченко И.В.* Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (на материалах законодательства) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995; *она же.* К вопросу о природозащитных функциях общины кубанских казаков // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 4; Историче-

ская память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009; *Колесников В.А.* Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григориполицкой, Темнолесской и Воровсколесской станиц. Ставрополь, 1995; *он же.* Однодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенигилеевской и Новотроицкой станиц. СПб., 2000; *Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: Организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003; *Мануйлов А.Н.* Механизм трансляции культурной традиции и традиционные социальные институты кубанского казачества // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998; *он же.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007; *Матвеев О.В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.); Категории воинской ментальности. Краснодар, 2005; *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* «В вечное сохранение и напоминание славных имен...» (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). Краснодар, 2005; *они же.* Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. – 1917 г.). Краснодар, 2000; *они же.* Страницы военной истории кубанского казачества. Краснодар, 2007; Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.). Краснодар, 2002; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1–2; М.; Краснодар, 2002–2005; *Ратушняк В.Н.* Кубанские исторические хроники. Малоизвестное об известном: Очерки. Краснодар, 2005; *Ратушняк В.Н., Ивченко И.В.* Кубанская казачья община и возможности использования ее исторического опыта // Проблемы казачьего возрождения. Ч. 1. Ростов н/Д, 1990; *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. М., 2007; *Фролов Б.Е.* Атаман Захарий Чепега. Краснодар, 2006; *он же.* Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009; *он же.* Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. Краснодар, 2005; *Шахторин А.А.* Подготовка казаков Кубанского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX веков. Краснодар, 2008; и др.

³ *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1–2. Екатеринодар, 1910–1913.

⁴ *Фелицын Е.Д.* Статистические сведения о Кубанском казачьем войске. Екатеринодар, 1884; *он же.* Кубанское казачье войско, 1696–1888. Воронеж, 1888; *он же.* Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черно-

морской губернии. Екатеринодар, 1899; *он же*. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области, собранных почетным членом Областного статистического комитета. Екатеринодар, 1904; *Короленко П.П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска 1696–1896. Екатеринодар, 1896; *Гулыга И.Е.* 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. Тифлис, 1913; *Кравцов И.С.* Очерк о начале Терского казачьего войска. Харьков, 1882; *Толстов В.Г.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1901. Подробнее о полковой историографии см.: *Матвеев О.В.* Полковая историография Кубанского казачьего войска // Мир Шолохова: история и культура. Ростов н/Д, 2005.

⁵ Казачество в истории России. Тезисы докладов международной научной конференции. Краснодар, 1993; Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научной конференции. Ст. Полтавская Краснодарского края, 23–27 сентября 1996 г. Краснодар, 1996; Казачество России: история и современность. Тезисы Международной научной конференции (Геленджик, 8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002; Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего

войска). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тимашевск, 2–5 октября 2006 г.). Краснодар, 2006.

⁶ *Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999. С. 60.

⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 3. С. 197.

⁸ Как показал в своих исследованиях аграрной истории Кубани В.Н. Ратушняк, 65% казачьих хозяйств обрабатывали свои наделы самостоятельно, не прибегая к найму рабочих.

⁹ *Малукало А.Н.* Указ. соч. С. 128.

¹⁰ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГА КК), ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 22 об.–23.

¹¹ Кубанские областные ведомости. 1882. № 25.

¹² Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000; Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20-е – 70-е гг. XIX в.) // Сборник архивных документов. Нальчик, 2001; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Ч. 2. Нальчик, 2003.

¹³ ГА КК, ф. 350, оп. 2, д. 256, л. 31 об.

И. Пярт. Старцы: харизма и традиция в русском православии. ДеКальб, Иллинойс: Изд-во Университета Северного Иллинойса, 2010. XIII+286 с.*

Одной из самых заметных тенденций в современной историографии, посвященной истории Церкви в России, является переосмысление оценок синодального периода (XVIII – начало XX в.), выявление всей сложности, неоднозначности и своеобразия этой эпохи в жизни русского православия. Целый ряд исследований показывает, что Церковь, пережив тяжелейший удар со стороны властей в период петровских реформ, сумела адаптироваться к новым условиям, приспособиться к запросам различных социальных слоев, возродить или создать заново различные формы религиозной жизни, ставшие характерной чертой развития русского общества в XVIII – начале XX в. Жесткий бюрократический контроль не мог подавить духовных исканий в церковной среде, положить конец религиозному творчеству,

многие направления которого оказывались тесно связаны с духовным укладом допетровского периода, наследием «святой Руси». Одним из таких направлений стало старчество, сыгравшее огромную роль как в религиозно-духовной жизни России, так и в истории русской культуры.

Учитывая роль старчества в истории послепетровской России, остается лишь сожалеть о том, что до сих пор этой теме не было посвящено специального исследования. Работа научного сотрудника Таллинского и Тартуского университетов Ирины Пярт удачно восполняет данный пробел. Монография опирается на солидную источниковую базу, включающую документы как российских (центральных и региональных), так и западных архивов. В книге широко привлекаются

* *Paert I.* Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2010. XIII + 286 p.